



ТАЛЬЯНА ОРЛОВА

Книга 1
СТРАТЕГИЯ
ОБОРОТНЯ

18+

Тальяна Орлова
Стратегия оборотня. Книга 1
Серия «Стратегия оборотня», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42653115

SelfPub; 2019

Аннотация

Она бесстрашна и умна. Он – враг всего, что ей знакомо... Даю делают соучастницей преступления. А во снах ее преследует образ – слишком идеальный, чтобы быть реальным. Разве могло обойтись без протестантов – главной угрозы обществу? Первая книга дилогии "Стратегия оборотня". При создании обложки использовано изображение с сайта shutterstock

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	37
Глава 4	54
Глава 5	74
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Порядок – основа существования. Человечество не сможет бороться с внешним врагом, не обеспечив соблюдение внутренних правил.

Глава 1

Сны выводили из себя. Кажется, до недавнего времени я вообще снов не видела – ни приятных, ни кошмарных, а теперь прямо лавиной обрушились. Начиная с позапрошлой недели. Вначале я почти сразу просыпалась, но потом все равно долго не могла уснуть. Первый сон вообще толком не запомнился: белесая муть вокруг, никаких предметов или людей, лишь ощущение – он стоит за моей спиной. Мне не страшно, наоборот – спокойно и хорошо. Он стоит за моей спиной, а это значит, что мне ничего не грозит, я сильна, неуязвима, я почти бессмертна. Ему достаточно быть там, совсем рядом, чтобы подарить мне это ощущение. Осталось только обернуться и посмотреть на него. В первый раз я проснулась, едва только подумала об этом.

Но, похоже, психика способна адаптироваться. Во второй раз я проснулась чуть позже, и так время увеличивалось с каждым новым сновидением. Теперь я знала его лицо, успела услышать голос, даже начала привыкать. Но все равно рано или поздно просыпалась, а потом долго не могла прийти в себя.

Триш сказала, что это от гормонов – мол, сновидения с сексуальным подтекстом случаются с каждым. Она даже не подшучивала, чем окончательно убедила меня в нормальности происходящего. Потому я психовала только из-за того,

что не могу выспаться. Но надо отдать должное моему подсознанию – оно потрясло воображение. Почему у него такие белые волосы, если я всегда предпочитала брюнетов? А у этого – неестественно светлые, будто крашенные или седые. Лицо красивое, но я много красивых лиц видала – выходил некий собирательный образ: прямой нос, тонкие губы, всегда готовые к усмешке, брови – к счастью, чуть темнее шевелюры. Возможно, я этот прототип видела в каком-нибудь из новомодных фильмов со всеми эффектами, создающими ощущение полного погружения. Вспомнить точно не могла, но это было лучшим объяснением, чем то, что мое подсознание из обрывков собрало именно такой облик воедино.

И, конечно, глаза. В его внешности, кроме ненормальной белизны волос, непременно должен был присутствовать изъян. Как будто именно он и завершал весь образ своей фантастической дисгармонией. На янтарных, с коричневыми вкрапинами, радужках зиял вертикальный зрачок, но он не вызывал ассоциации с кошками. Я почти неделю мучилась и не могла объяснить Триш, что не так с его глазами. А потом наткнулась в учебнике по древней зоологии на фотографию пресмыкающегося, которое называлось «крокодилом». Я от ужаса даже вскрикнул – один-в-один! Но Триш, когда поняла мои объяснения, рассмеялась и хлопнула по плечу. Да какая разница, какие именно глаза у моего несуществующего приятеля? И ведь правда... Все остальное в нем меня полностью устраивало. Когда я погружалась в сон, то забывала

об оценке, анализе, всем этим заняться можно и позже, когда после буду мучиться от обязательной бессонницы. Что, впрочем, еженощно и происходило.

Сны выводили из себя, но сегодняшний просто выбил почву из-под ног. Я, как и всегда до сих пор, была обнажена. Он тоже. Плод моего подсознания уже часто касался меня – к этому я привыкла, но теперь в его движениях что-то изменилось. Они стали напористыми – я будто в реальности чувствовала, как он сжимает мою грудь, проводит рукой вниз, скользнув по внутренней стороне бедра.

– Я так сильно тебя хочу, Дая.

Он всегда называл меня по имени. Я не умела во сне ни напрягаться, ни сопротивляться. Особенно потому, что буквально все в нем очаровывало – ровно до тех пор, пока не проснусь. Более того, теперь я уже знала, что скоро меня вышвырнет. Сразу, как только я почувствую первые признаки возбуждения. Но этот раз затянулся. И только лишь по этой причине, от страха, что все вот-вот прекратится, сосредоточилась на мыслях:

– Как тебя зовут?

Глаза крокодила. Они могут не вызывать шока только во сне. Внимательные, застывшие. С коричневыми пятнами на янтарной радужке.

– Разве ты не знаешь моего имени?

– Я... забыла.

– Вспоминай.

Улыбка. Белозубая, открытая. Смущающая. Он никогда не целовал меня в губы, но часто касался щеки, шеи. И сейчас сразу опустил голову, прижимаясь ртом к плечу. Не как обычно, сегодня что-то изменилось. Я ощутила прикосновение к коже его языка, невольно выдала короткий стон – просто резкий выдох. Его ладони легли на талию и с силой сжали, притягивая к себе. Я даже не думала отстраняться, впервые касаясь грудью его груди. Безупречный. Хотелось бы никогда не просыпаться. Или хотя бы до того момента, когда я наконец-то смогу пальцами ощутить его мускулистые плечи, когда поцелую подтянутый живот. Когда наконец-то осмеюсь опустить взгляд ниже и увидеть его возбуждение. Сейчас я не сдержалась – сама сократила дистанцию и прижалась бедрами к нему. О, он был возбужден. Член – горячий, каменный – почти пульсировал.

– Я тоже хочу тебя, – сказала честно.

– Но не помнишь моего имени? – усмешка, но не злая – заинтересованная. – Как меня зовут, Дая?

Вместо ответа я слегка потерлась, вызвав этим стон – почти болезненный. От его возбуждения мое раскачивалось, распалось, лишало остатков рассудка. И, конечно, когда оно затопило все нутро, я мгновенно проснулась.

Вытерла испарину со лба и сразу села. Триш мирно посапывала на соседней кровати. Я встала и направилась на кухню, чтобы выпить воды. Сейчас все равно сразу не усну. Никогда не получалось. Само томление отпускало не так быст-

ро, как раньше. Но раньше мы никогда до такой стадии и не заходили. Дерьяк меня раздери, почему я не потрогала его волосы? Снова забыла. А мне до дрожи в пальцах хотелось коснуться его волос – не длинных, но и не слишком коротких. Иногда небрежно падающих на лоб. Они выглядели такими мягкими, что мне уже физически было необходимо убедиться в этом. В общем-то, только эта мысль во мне и оставалась после окончания таких сновидений, а остальное – вот это напряжение между нами, иррациональная тяга к нему – отступали за считанные минуты. Теперь я уже могла с отвращением содрогнуться, вспомнив жуткие глаза крокодила.

Ничего удивительного, что на занятиях я чувствовала себя разбитой. Все две недели, как это началось, а сегодня вообще глаза слипались. Триш, выслушав мой рассказ, заявила с видом эксперта: «Твоя проблема решается просто – переспи с кем-нибудь. И если после этого голод не уляжется, вот тогда придется... спать со всеми подряд, пока не угомонишься». Она звонко расхохоталась, не позволив мне даже возразить.

К сожалению, первой парой еще и стояла теория атаки. Была бы тренировка или хотя бы экспериментальное диагностирование, то можно было бы хотя бы перемещаться туда-сюда. А если тело не спит, то и у мозга выбора нет.

– Курсант Джисс!

Я мигом подскочила и вытянулась в струну:

– Да, сэр!

– Вам настолько скучно, что вы позволяете себе спать на лекции?

Да я всего на секунду глаза прикрыла! Но внимательный гад заметил.

– Нет, сэр!

Профессор был немолод – уже за двести, но сноровки не потерял, и характер не смягчился. Он улавливал буквально все, что происходило в аудитории. И уж конечно, промахи не прощал. По елейному тону стало понятно, что он намеревается три шкуры с меня спустить:

– Тогда, курсант Джисс, будьте любезны – расскажите нам о первых способах защиты при групповом нападении берсерков. Всем, – он неопределенно махнул рукой, – очень интересно послушать вашу интерпретацию лекции.

На подсказки рассчитывать не приходилось – никто не станет рисковать так сильно. Дело не в дружеской поддержке, а в том, что облажалась именно я – мне и платить. Незачем тянуть за собой еще кого-то.

Я сосредоточенно соображала. Берсерки – один из видов оборотней, очень агрессивные. Считаются крайней правой веткой мутации. В принципе, я неплохо знала предмет. Еще тысячу лет назад никто и не слышал про оборотней. Точнее, они фигурировали в легендах, но в здравом уме люди не верили в их существование. Зато из тех самых сказок ученые и черпали термины – зачем изобретать новые слова, если древ-

ние уже придумали очень похожие определения? Во время войны с дерьяками человечество рисковало понести поражение, но, благодаря патриотизму, отваге, сплоченности и блестящим идеям, мы победили, и теперь гнусные захватчики отринуты на другой конец галактики и обречены еще десять тысяч лет зализывать раны. Ну, те кто выжил; погибшие уже ничего не зализывают.

Одной из основ нашей победы стало генное улучшение солдат. До сих пор на уроках истории иногда наворачиваются слезы, когда профессор рассказывает о героизме воинов – тех, которые позволяли себе ампутировать конечности и присоединять к нервным окончаниям кибернетические механизмы. Первые образцы даже не прошли проверку, но люди шли на этот риск, потому что за их спинами оставалось все человечество. У них не было права на страх или отступление, они позволяли уродовать себя, иногда обрекать на мучительную смерть, чтобы получить с некой долей вероятности возможность выстоять против вооруженного дерьяка. Эти первопроходцы и стали теми, кто повернул ход войны, хотя жертвы среди них были неисчислимы.

Однако на этом эксперименты не прекратились. Ученые тоже работали без сна и отдыха – механизмы совершенствовались почти ежедневно. Теперь уже апгрейд проходил с меньшими рисками и намного большей эффективностью. Конечно, параллельно проводились и генные эксперименты. И выяснилось, что кровь наших врагов при перелива-

нии в незначительных дозах создает мощный эффект – органы, иммунитет, выносливость человека менялись. На саму трансформацию требовалось время – иногда месяцы, но зато результаты превзошли все ожидания. Тогда и были созданы первые оборотни – земляне с измененной ДНК. На их счету и полная победа над дерьяками. Пока флот вычищал все звездное пространство вокруг наших планет, оборотни уничтожали вражеские отряды на поверхности. И этим мужчинам и женщинам не было равных. Героям слава! О чем их потомки не забудут никогда, но...

Но когда конфликт был улажен, а других угроз не обнаружилось, то ветеранам стало не так-то просто влиться в социум. Если солдаты с протезами тут же получили огромные пенсии или должности – на контроле границ или в полиции, поскольку у них только руки и ноги стали железными, а мозги оставались вполне себе человеческими, то с оборотнями ситуация оказалась куда более проблематичной. Они уже не были людьми в полном смысле этого слова, даже родня вернувшихся не могла найти с ними общий язык. Они только выглядели привычно, но в сознании являли собой смесь homo sapiens и дерьяков. Например, берсерки – беспощадные, жестокие, как совсем недавние враги. Гора мышц и сто двадцать килограммов чистой злости. Да и другие виды оборотней были не намного лучше. А дети их наследовали и их способности, и их нечеловеческое мышление. Потомки первых оборотней иногда продолжали мутировать, но все же в рам-

ках своего вида – а вид они наследовали только от одного родителя. Какое везение для эволюции! Ярость берсерка, перемешанная с хитростью перевертыша или склонностью к извращениям ракшаса – это было бы совсем за гранью.

Поначалу местные терпели все их закидоны, памятуя о недавних подвигах. Но чем дальше отдалялась в прошлое победа, тем больше бросались в глаза их преступления. Уже лет через двести после последнего трупа дерьяка на последней освобожденной планете оборотни стали нежеланными гостями в мирных городах и крестьянских деревнях. А со временем и правительственно вынуждено было отреагировать на бесконечные жалобы и осознанно пойти на дискриминацию. Теперь оборотни могли получить легальный статус, но притом постоянно находиться под контролем и согласиться на вживление подкожного чипа. За все эти «благости» они могли хотя бы получить работу – в охране, в полиции, службе спасения, где до сих пор высоко ценились их навыки. Но все, кто отказался – а их очень много – вынуждены добывать пропитание самостоятельно. И, конечно, в голову в первую очередь приходили криминальные методы. Берсерков нанимала мафия для кровавых разборок, перевертыши торговали наркотиками или промышляли мошенничеством, сару захватывали приграничные планеты и грабили космические корабли, ракшасы развернули индустрию секс-услуг до небывалых масштабов – они чаще всего и обвинялись в похищении людей. Победив одну угрозу, человечество со-

здало себе новую – и с ней пока невозможно справиться.

О всеобщем отношении к оборотням говорило и то, что на первом курсе военно-полицейской академии, из более тысячи набранных курсантов числилось всего два оборотня. Один учился в моей группе – Одир Вейр. Легальный в четвертом поколении оборотень, ни один из предков которого не был замешан ни в одном скандальном расследовании, он все равно оставался изгоем. Но, возможно, здесь играла роль зависть: ведь на тренировках никто и близко с ним сравниться не мог. Преподаватели же относились к нему, как к прочим. Судя по всему, Одир после окончания получит и лучшее распределение, и самые высокие баллы – только потому, что над его предками поизмывались ученые! Нам, простым людям, было непросто принять этот факт.

– Мне долго ждать ответа, курсант?

Я заставила себя еще приподнять подбородок и отчеканила:

– Берсерки не нападают группами, сэр! Они индивидуалисты!

– Неплохо, – вынужден был признать профессор, но не позволил мне насладиться похвалой: – Да вот только пока вы изволили почивать, я как раз и сообщал группе, что такие случаи бывают, хоть и в качестве исключений. И вы, курсант Джисс, если станете свидетелем подобного исключения, пополните ряды жертв, я уж не говорю о том, что никакой помощи населению не окажете. У вас пробел в образовании,

курсант. Пробел, который будет стоять людям жизни.

Как же он любил преувеличивать!

– Я в ближайшее время заполню его, сэр!

– Заполните, заполните, – он не мог успокоиться, если учащийся после подобного не почувствует себя облитым помями. – Да вот только это сигнал, курсант! Что вам блестящая карьера не особенно нужна. Что вас, с такой халатностью, лучше по распределению отправить туда, где люди вообще не живут – там от вас вреда хотя бы меньше будет. Не думали о том, что вам еще не поздно забрать документы и попытаться выучиться... ну хотя бы на уборщицу улиц?

– Никак нет, сэр!

– Жаль.

Иногда надо прикусить язык – всем известно. Но у меня что-то перемкнуло:

– Не знала, что на уборщицу улиц надо учиться, сэр!

Триш и еще пара студентов тихо хохотнули – безбашенные идиоты. Профессор соизволил махнуть рукой, разрешая мне занять место. Я сразу глянула на встроенное в парту табло. Минус 14 баллов. И сразу следом – минус 8. Первое – за незнание материала, второе – за поведение. Дерьяк меня дери, теперь отличную оценку в конце триместра я вряд ли получу. Перевела взгляд влево. На табло Триш красным цветом светилось «-1». А что поделать, курсант должен знать, когда можно хихикать, а когда лучше воздержаться.

Глава 2

Настроение у подруги не испортилось. Она и за обедом щебетала, что мой гормональный передоз надо срочно устранять. Желательно с помощью симпатичного старшекурсника, конечно. А можно вообще пойти ва-банк и напрямую обратиться с нижайшей просьбой к Эрку. Вообще-то, Триш обычно не отличалась такой ироничностью, но сегодня ее отчаянно несло. Хоть она и прикрывала все искренней заботой обо мне. Но последний ход был явным злорадством, не приукрасишь. Ей ли не знать, что я теряюсь, когда в одном предложении звучит «Эрк» и «нижайший»? Или «обратиться». Да какое угодно слово вместе с его именем выбивало меня из колеи!

История эта началась еще до обучения. Мы с Триш прилетели в Неополис, столицу всей Системы, из сравнительно небольшого города, тоже расположенного на Земле Первой, чтобы попытать удачу. И уже тогда договорились, что или поступаем в академию вместе, или вместе пытаем удачу где-нибудь еще. Население столицы приближалось к миллиарду, и для нас, после двухмиллионного городка, это было слишком непривычно. Мы и раньше дружили, а уж в подобном муравейнике вцепились друг в друга, словно были родными сестрами. И хоть раньше мы иногда ссорились, но здесь уже никогда не позволяли мелким стычкам вырасти в серьезный

конфликт. Ближе все равно никого не было.

Военно-полицейская академия номер один по праву считалась одним из самых элитных учебных заведений Системы Освоенных Территорий. Ее выпускники были просто обречены на хорошую карьеру – сначала по распределению, а потом по заслугам. Но мало кто из поступивших мог продержаться все восемь курсов. Принимали-то совсем детей – двадцатилетними. Конечно, в процессе кто-то и сам понимал, что выбрал не ту стезю, кто-то сдавался после четвертого курса – когда начиналась практика в местной полиции, а кого-то отчисляли, если не справлялся с нагрузкой. Но мы с Триш уже несколько лет бредили этой мечтой, потому и решили рискнуть.

Я-то из нашей общей гимназии везла и аттестат с отличными баллами, и грамоты со спортивных соревнований, и рекомендации от директора и преподавателей. Но у Триш ситуация была намного хуже. И когда она справилась, счастьем нашему не было предела. Мы вместе, как и планировали, стали курсантами. Сами приемные экзамены заключались в десятках зачетов, физических, медицинских проверок, и обязательного теста на профессиональную пригодность. Во время этих многодневных мучений профессорам и врачам помогали шестикурсники, одним из которых и был Эрк. Возможно, что только благодаря ему Триш справилась – видя ее волнение, он подкинул пару полезных советов для заключительного и самого важного теста:

– Они будут кричать на тебя. Возможно, бить. А ты расслабься. Вот просто отпусти себя и притворись, что ты уже померла. Труп у ведь все равно, что с ним делают. И хороший солдат должен уметь держать себя в руках – в этом и есть первая проверка на пригодность к профессии. А, ну если будут спрашивать, то оживай и отвечай. Как будто ты уже не труп.

Совет, полученный от Эрка, вроде бы и не содержал ничего особенно ценного, но зато создал у Триш особый настрой. А я же глаз от него отвести не могла – с самой первой минуты знакомства. И когда он наклонялся, чтобы наклеить на мой лоб индикаторы, и когда улыбался, подбадривая – тогда уже первая влюбленность могла только крепнуть. Потрясающе красивый: брюнет с темно-зелеными глазами, высокий, стройный, но даже под униформой было заметно его восхитительное тело. Голос притом мягкий, вкрадчивый. И самое главное – на рукаве желтая нашивка. Это означало, что он награжден за какую-то операцию. И пусть нередко у курсантов после начала практики появлялись такие нашивки, но именно его сводила с ума.

Узнав, что мы поступили, я от радости обезумела. И тогда решила – какой же из меня выйдет профессионал, если кишка тонка подойти и признаться в своих чувствах? Ну, я и призналась. Вот просто взяла его за руку, отвела в сторону и решительно заявила:

– Эрк, ты мне очень, очень нравишься!

А он посмотрел на меня странно – вот впервые так посмотрел: вроде бы без раздражения, но с полным недоумением, улыбнулся натянуто и заявил:

– У меня есть девушка. Если ты мое внимание расценила как романтическую симпатию, то приношу за это свои извинения.

И поспешил скрыться. Я его даже на торжественном оглашении списков не увидела. Моя самооценка летела в пропасть. Нет у него никакой девушки! Это я знала точно – мы с Триш предварительно развели этот вопрос. Кто-то называл красавчика Эрка бабником, кто-то клеймил гада Эрка равнодушным циником, кто-то подозревал, что он вообще в постели разбора не знает – ни пол, ни даже вид ему не преграда, но все сходились в одном: постоянной девушки у него нет и никогда не было. Он меня просто отшил, не придумав ничего более вразумительного!

Посчитал малолеткой? Так бы и сказал! Хотя пять лет разницы – вообще не разница. Просто не понравилась? Но ведь я симпатичная – многие парни из гимназии за мной увивались, да и взгляды на себе я ловила вполне определенного толка. Конечно, вкусы у всех разные, но вряд ли кто-то называл бы меня уродиней: каштановые, немного вьющиеся волосы, большие глаза, хорошая фигура. Я всегда гордилась тем, что унаследовала мамину внешность – а она даже сейчас, когда ей за восемьдесят, от женихов отбивается. Представляю, что было лет двадцать назад, до того, как она роди-

ла меня. Однако после такого отказа я ничего с собой поделать не могла – доселе неведомые комплексы упали на плечи и давили, давили, давили. А может, ему Триш понравилась – худенькая голубоглазая блондинка. Многие мужчины предпочитают хрупких девушек. Об этом тоже лучше сообщил бы прямо! А то оставил меня со своими ненужными объяснениями, чтобы я перемалывала в уме, все сильнее понижая самооценку.

С тех пор я его избегала. В коридоре сворачивала, на общих тренировках уходила в другой конец зала, в тренажерке сначала оглядывала всех присутствующих и заходила, только убедившись, что его нет. Моей психике это очень было нужно: забыть о позоре. Влюбленность моя обернулась толстым слоем ненависти, и так жить было проще. И почти весь учебный год у меня все прекрасно получалось! Вот, правда, Триш зачем-то напомнила. Я скривила мину и буркнула:

– Забудь про Эрка! Его не существует.

Она было рассмеялась, но отвлеклась на шум. Я тоже посмотрела в противоположную сторону огромной столовой.

– Одира опять достают, – заметила Триш, хотя это было очевидно.

Мы уже закончили с обедом, поэтому я уверенно встала. Направилась к шумной группе. Один из задира орал громче остальных:

– Чего расселся, ракшас? Здесь место людей, а не нежити. Я подлетела сбоку, рванула идиота за волосы назад и пну-

ла под колени. Он с шипением упал. Триш тоже уже была рядом – она просто встала перед одноклассником, будто пыталась прикрыть собой. Но это ощущение было ложным – не его мы спасали, а этих бездарей. Оборотень без труда сложит в кучу их всех, а когда кураторы опросят свидетелей, то выяснят, кто был зачинщиком. И тем достанется повторно. Подобную тупость ничем, кроме переизбытка тестостерона, объяснить невозможно.

– Кому еще не нравится Оudir Вейр? – я кричала, наклонившись к лицу идиота. – Вы спятили?

– Куратор! – со страхом раздалось со стороны.

Я моментально отпустила хват и выпрямилась, идиот тоже вскочил на ноги, вытягиваясь уже на развороте.

– Что здесь происходит? – спросил подошедший.

Этот куратор был суровым мужиком – бывший полицейский, получивший лет тридцать назад серьезную травму, которую не удалось устранить полностью. Нашивки на его рукаве впечатляли. Теперь он уже не мог участвовать в операциях, но неплохо справлялся и с нынешней должностью.

– Ничего не происходит, сэр! – отчеканила Триш.

– Разговариваем с девушками, сэр! – подхватил и мой идиот.

– Врете? – куратор прищурился.

– Никак нет, сэр! – сразу несколько голосов, в том числе и мой.

Он пожал одним плечом и ушел, слегка прихрамывая.

Компания мгновенно рассосалась в разных направлениях. Мы с Триш повернулись к однокласснику – он по-прежнему сидел за столом и даже позы не изменил.

– Вы серьезно считали, что мне нужна помощь?

Подруга ответила за нас обеих – она всегда отличалась большей дипломатичностью:

– Нет, Одир. Но мы учимся в одной группе. Кем бы мы были, если бы не отреагировали?

Объяснение прозвучало исчерпывающе. Каждый живущий знал, что сплоченность – основа стабильности. А уж курсантам нашей академии чувство единства прививали особенно тщательно. Оборотень бегло улыбнулся и вернулся к своему обеду.

Мы с Триш вышли из столовой и направлялись на улицу. Еще достаточно времени до следующего занятия, чтобы успеть подышать свежим воздухом. И она удивила:

– А давай в следующий раз сядем с ним за один стол? Почему ему приходится быть в одиночестве?

– Ты знаешь почему, – легко ответила я.

Подруга не унималась:

– Разве это справедливо? Да, он оборотень. Но ни он, ни его семья не выступали против Закона. Его отец – дипломат на Земле Пятой, знала? Уважаемый... не-человек. И сам Одир свою жизнь посвятил служению Закону. Никак не могу понять, почему этого недостаточно?

– Стереотипы, – подумав, ответила я. – Ну хорошо, давай

в следующий раз сядем к нему. Это даже прикольно – полить всех вокруг!

Триш заметно обрадовалась. Из нее в будущем получится превосходный миротворец или тоже дипломат. Для выпускников академии и такая карьера не была редкостью. И оголошила:

– Вот и славно! Всем покажем, что нам плевать. И будем делить... к-хм... существ по поступкам, а не видам! К тому же он просто милый и симпатичный парень.

От последнего я в землю вросла и рот разинула. Да сама Триш не могла себя пересилить и назвать Одира человеком, но зато разглядела его внешность? Если уж откровенно, то если бы он не был оборотнем, то вполне мог привлечь и мое внимание. Кареглазый шатен, очень широкий в плечах, но притом не производящий ощущения грузности – полностью в моем вкусе. Но ракшасы, насколько я знаю, и не бывают уродами. Ведь это и есть их природа – привлекать. Однако каждая девушка в Системе Освоенных Территорий это знала и сразу ставила границу: это не та красота, которую можно оценивать. Вот, например, снежные барсы, которые живут на Земле Третьей – невероятно красивые животные. Даже на видео глаз отвести невозможно от их грации, от блеска шерсти. Но ведь никому в голову не придет влюбляться в снежного барса или другое прекрасное животное! Так происходило и с ракшасами, их красоту видели, но не воспринимали. Все знали об их склонности к извращениям. Некото-

рые, самые безумные, ненадолго связывались с ними – испытать новые ощущения, но и они со временем сбегали. И насильников среди ракшасов было больше, чем среди остальных. Они вообще на сексе помешаны, больные. Но легальные оборотни держали себя в руках – или обзаводились гаремом, или развлекались только с себе подобными. Да и не производил пока Одир впечатления невменяемого извращенца. Наверное, потому что еще совсем молод.

А Триш уже переключилась на другую тему:

– Пойдем в пятницу в клуб! Не спорь, Дая! Пока ты сама себя с ума не свела. Или от девственности своей тоже во сне собралась избавляться?

– Но уж точно не в клубе!

– В клубе с кем-нибудь можно познакомиться!

– Ну да, представляю себе. Лучше уж во сне. Или вон, с Одиром – он ведь должен быть всегда готов?

Хотя бы эту шутку Триш оценила и громко рассмеялась.

Клубы, как и оборотни, делятся на узаконенные и не очень. Примерно в том же соотношении. Однако таких же принципиальных различий между ними нет. Притом в легальные государственные клубы редко заглядывает молодежь. А кому понравится веселиться на глазах у десятков полицейских и пить безалкогольные коктейли? Это места отдыха семейных пар и подростков, которым родители впервые разрешили «потусить». Гарантия, что отдых не закон-

чится неприятностями. Цвет пояса на одежде показывает, насколько человек настроен на знакомство. Красный цвет говорит, что девушка или парень заняты. Даже если их партнера нет поблизости, то могут утащить в полицейский квадрат даже после попытки познакомиться. Зеленый пояс, наоборот, свидетельствовал о том, что сегодня отдыхающий мечтает не только потанцевать, а в идеале получить длительные партнерские отношения. Чаще всего получали они только одну ночь интима, но в эти вопросы полиция вмешиваться уже не могла – никто ж насильно зеленый пояс на бедную брошенку не надевал. В государственных клубах продавались также легкие психотропы и секс-услуги – конечно, только для тех, кому исполнилось двадцать пять. В общем, отличное развлечение для стариков.

В остальных заведениях было заметно шумнее, но и там довольно безопасно – внутренняя охрана следила за порядком. Здесь и спектр услуг разнообразнее, и психотропы другого уровня воздействия. Но ничего особенно ужасного, если сам с головой. Правило одно: не запикивай внутрь ничего подозрительного – будь то яркая таблетка или член симпатичного нового знакомого. Но эти правила действуют в любой ситуации, а не только в развлекательных клубах.

Мы с Триш выбрали клуб «Ромарио» – ближайший к академии и потому являющийся самым популярным местом отдыха курсантов. Мы с подругой тоже там были завсегдатаями: танцевали, отдыхали, иногда выпивали по коктейлю,

знакомились с кем-нибудь, но никогда эти знакомства не выходили за границы клуба. И как будто звезды сошлись в неудачном месте: именно сегодня там присутствовал Эрк. Я сразу выхватила из сотен посетителей компанию знакомых лиц – шестикурсники собрались за одним из столов недалеко от входа, а уж разглядеть среди них того, которого видеть хотелось меньше всего, не составило труда. Триш мгновенно оценила мою реакцию и проследила за взглядом.

– Да хватит уже, Дая! Сколько можно его избегать?

– Еще два курса, – обозначила я очевидное. – После этого мы уже вряд ли встретимся.

– Глупо! Неужели ты до сих пор в него влюбленная? Несколько месяцев прошло!

Захлебнулась воздухом от возмущения:

– Влюбленная?! Да как раз наоборот! Видеть его не могу, неужели неясно?

Триш ухватила меня за локоть и поволокла вглубь, приговаривая:

– Вот и докажи, что тебе все равно! А то пока я вижу только искры из глаз – это любовь, не иначе!

– Триш, я тебе руку сломаю!

– Не сломаешь! – хохотала подруга. – Потому что это правда!

– Неправда!

– Правда!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– Ты мне больше не подруга!

– Подруга!

К счастью, она успела уволочь меня за звуковую завесу, где играла музыка – настолько громкая, что препираться дальше можно было, только тесно обнявшись и крича друг другу в уши. У меня не было желания обнимать Триш прямо сейчас.

У барной стойки опрокинули по коктейлю, после чего я вынуждена была признать – не так уж и плохо. А среди такой толпы присутствие Эрка можно запросто игнорировать. И раз барабанные перепонки рвутся от технотронного ритма, то можно и потанцевать – древнейшее развлечение людей любой эпохи, любого статуса или вида. Мы с Триш надели серые пояса – это не зеленый и не красный, это означает, что каждый может попытаться и каждый может получить резкий отказ.

Парни вокруг нас крутились – и я, и Триш умели привлечь к себе внимание. Многочасовые спортивные тренировки даром не проходят, а врожденная женственность делает остальную работу. К тому же здесь мы не были выряжены в обтягивающие черные комбинезоны – форму курсанток, потому струящиеся короткие юбки и высокие каблочки добавляли каждому движению изюминки, которую невозможно воспроизвести в другом наряде. Танцы на грани фола – с мимолетными касаниями и улыбками. Ничего не обещаю-

щие, пока не прозвучат имена. До знакомства девушка может позволить себе какой угодно флирт, но после знакомства любой может озвучить свои желания, а второй должен их либо принять, либо отвергнуть. Чтобы повысить вероятность успеха, парни сначала рисовались – пытались понравиться до произнесения имен. А в таком шуме и не познакомишься. Потому им пришлось бы вытаскивать нас в первый зал, и пока ни один не осмелился.

И я крутилась, отпустив свои заботы, неприятности на учебе или необходимость думать о деньгах. Крутилась, подняв лицо к мерцающему потолку, позволяя волосам свободно развиваться. Принимала не без удовольствия чужие касания – это лишь знаки внимания. Мне никто не понравился настолько, чтобы я захотела услышать его имя. Но все они создавали ауру – я молода, свободна, красива, и мелкие тревоги не играют прямо сейчас роли. Их нет.

Но внезапно обстановка изменилась. Триш среагировала первой и остановилась, а я замерла, уловив ее движение. Всего в двух шагах от нас стоял огромный мужчина – никакая одежда не смогла бы скрыть его мощную фигуру и перекачивающиеся бугры мышц. Типичный берсерк. А если человеку не посчастливилось родиться таким гигантом, то ему приходится сложно. Парни вокруг нас расступились, не желая ввязываться в возможный конфликт. А интерес берсерка был очевиден – он не сводил темных глаз с Триш.

Можно рвануть к охране, у них есть средства остановить

любого, но тогда берсерка только разозлишь. До того, как его уложат, он успеет покалечить многих, если не саму Триш. Потому я взяла себя в руки, очень приветливо ему улыбнулась и схватила подругу за запястье:

– Любимая! Выпьем еще по коктейлю?

Он мог и не расслышать. Потянула к себе и решительно чмокнула ее в щеку. Мы живем в свободном мире, никто не сможет указывать, кого я имею право любить. И хоть однополых пар по официальной статистике было не больше пяти процентов, но никому и в голову не пришло бы осуждать. Мы же не в учебнике древней истории!

Могучий оборотень перевел задумчивый взгляд на наши пояса. Прокол. Если бы на нас были красные, то это стало бы сигналом для любого – пара прочная, не лезть. Даже берсерки опасаются так открыто нарушать Закон в самом центре Неополиса. Но в данном случае он имел право с нами говорить – хотя по взгляду и нельзя было сказать, что оборотень собирается именно говорить. Я просто потащила Триш назад, но оглянулась – берсерк уверенными, огромными шагами следовал за нами, рассекая толпу, как огромная булава.

Вылетели за звуковую завесу. Здесь уже музыка тише, то есть можно привлечь к себе внимание хотя бы криком. Развернулись обе и сразу же столкнулись с ужасающим лицом оборотня. Худшее, что можно сделать, – это бежать от берсерка, провоцировать в нем инстинкт охотника. Они вполне способны себя контролировать, но до тех пор, пока гормоны

не затмят разум. И мы, всего лишь первокурсницы, совершили настолько серьезный промах!

Однако к нам сразу с нескольких сторон рванули люди. Я с удивлением узнала компанию идиотов – тех самых, что в столовой донимали Одира Вейра. Их главный буквально задвинул Триш себе за спину, и его друзья тоже ступили вперед. Но слева подбежали шестикурсники, и наши защитники не стали ничего говорить – предоставили право высшим по рангу. Эрк подоспел первым, теперь я за ним даже не могла разглядеть берсерка.

Он вскинул руку в мирном жесте, а другую руку убрал за спину, крепко сжимая в ней мини-бластер – обычное оружие тех, кто имеет право говорить от имени Закона:

– Не нужно конфликтов, оборотень! Здесь куча охраны.

Берсерки агрессивны, но не тупы. Особенно легальные – они годами учатся обуздывать свой нрав. И, судя по всему, этот сделал над собой колоссальное усилие и медленно прорычал:

– Никаких конфликтов, солдат, – он по каким-то жестам уловил статус Эрка. Курсантов от обычных людей не отличишь только до четвертого курса, а потом уже с легкостью узнается и профессиональная выправка, и выверенные движения. – Мне просто понравилась женщина. Я хотел назвать ей свое имя.

Он пытался говорить мягко – так мягко, насколько вообще способен представитель этой расы. Но все равно звучало

угрозой. Но он старался. Возможно, Эрк это тоже уловил – зачем доводить до мордобития, быть может, и с летальным исходом, если ни одна из сторон этого не хочет? Эрк кивнул ему, обернулся к нам и остановился на моем лице. Я качнула головой и указала на Триш – мол, не я заинтересовала оборотня, а подруга. Потому Эрк очень громко спросил у нее:

– Ты хочешь знать имя этого господина?

– Нет, – ответила она тоже громко, паника уже отступила.

И Эрк повторил для берсерка уже очевидное:

– Она не хочет знакомиться с тобой.

Берсерк окинул взглядом Эрка – очень внимательно, с ног до головы, потом глянул на остальных. И, видимо, решил, что благоразумнее будет поискать приключений в другом месте. Он тоже кивнул и слишком резко, нервно двинулся к выходу. Кому-то сегодня не повезет на темных улицах Неополиса, но всех проблем не решить.

Шестикурсники даже интересоваться нашим настроением не стали – убедившись, что берсерк не настроен больше на знакомство с Триш, они просто направились к своему столу. Потому мы имели возможность поблагодарить хотя бы первых подошедших, которых даже идиотами теперь язык не поворачивался назвать:

– Спасибо, – я сказала первая, и Триш еще звонче и благодарнее повторила.

– Не за что, – сказал их главный. – Меня зовут Иррик, второй курс. Мы учимся в одной академии. Кем бы мы были,

если бы не отреагировали?

Другого я и не ожидала. Между собой мы могли спорить и даже драться, но чтобы в подобной ситуации хоть один курсант остался в стороне – такого быть не могло. Я еще раз благодарно улыбнулась Иррику и его друзьям, а потом мы с Триш поспешили вернуться к веселью.

Ничего особенно интересного так и не произошло. Никто из парней нам не понравился настолько, чтобы допустить знакомство. Мы выпили еще и дотанцевались до боли в ногах. И потом, уставшие, решили все же отправиться в общежитие – не каждый день случаются судьбоносные встречи, пора это признать.

В это время выходили уже многие. И на улице было приятно прохладно, потому молодежь задерживалась у крыльца в ожидании друзей. Мимо Эрка я прошла с гордо поднятой головой, как если бы вообще не заметила. Мы сразу свернули в переулок – так путь короче до стоянки платных перевозчиков.

– Дая, нам надо экономить деньги! Может, пешком доберемся?

Понимая, что она несерьезно, я все же указала на обувь:
– Если я на этих каблуках пройду десять километров, то уже никогда не смогу ходить! Придумаем что-нибудь! В крайнем случае есть перестанем. Но клуб будем продолжать посещать!

Триш рассмеялась, но осеклась. Впереди от тени отдели-

лась фигура. Мы обе облегченно выдохнули, узнав Иррика. Но он смотрел теперь как-то иначе – наверняка наглотался психотропов. Но даже под наркотиками он не представлял никакой угрозы – мы с Триш даже на каблуках смогли бы постоять за себя против одного человека.

– Девочки, – он натянуто улыбнулся. – Не хотите попробовать порошок? Всего тысяча за грамм.

Ну, ничего себе! Мы вылупились на знакомого, но осуждать не спешили – каждый зарабатывает, как умеет. Многие курсанты в академии вынуждены существовать без поддержки родителей, мало ли в какой ситуации оказался конкретно он.

– Нет, Иррик, спасибо! – первой отмерла Триш. – У нас и денег-то больше нет.

Она рассмеялась, тем подчеркнув, что сдавать приятеля мы не намерены.

– Тогда, может, вас проводить?

Иррик убрал пакетик в карман, шагнул к нам и, раскинув руки, приобнял за талии сразу обеих. И мы очень синхронно оттолкнули его.

– Иррик! – буркнула я недовольно. – Ты бы собственный товар в таких количествах не употреблял!

Он смеялся, а осторожная Триш коснулась моего локтя и предложила:

– Не злись на него, Дая. Парень отдыхает – имеет право в свободный день! А мы с тобой лучше вернемся к остальным.

К Эрку вернемся, мы ведь так и не поблагодарили его.

Я не стала спорить. В конце концов, лучше добраться со знакомыми, раз в каждом переулке нас ждут обдолбыши – которых и бить-то не хочется, потому что еще совсем недавно они проявили себя хорошими ребятами. Я даже готова была пойти в компании шестикурсников, они уж точно проследят, чтобы мы сели в платный перевозчик. А приключений на сегодня достаточно.

И, снова выходя на освещенную перед входом площадку, остолбенели. Впереди стоял смеющийся Иррик вместе со своими друзьями. Пьяный, веселый... и ни капли не производящий впечатления человека под психотропами. Переглянулись. Дошло сразу до обеих:

– Перевертыш!

И, как будто почувствовав неладное, я приложила руку к поясу сзади. Тут же сказала о потере Триш, чтобы она тоже ужаснулась. Перевертыш украл мою маленькую сумочку, пристегнутую к поясу, да еще и так, что я ничего не заметила. Сумочка Триш оказалась на месте. В моей была кредитка, на которую скидывают стипендию, еще кредитка, на которую мама ежемесячно переводит небольшую сумму, и удостоверение личности. Документы можно восстановить. За потерю удостоверения мне в личное дело запишут выговор, придется проходить заново идентификацию, сдавать кровь – проблемы, но решаемые. Без удостоверения я не смогу сегодня попасть в общежитие. Вот это уже хуже, но что-нибудь при-

думаю. Я не расстроилась, я разозлилась до кипящей ярости:
– Мерзкий перевертыш! Ублюдок! Почему я сразу не переломала ему кости, как собиралась?!

И этим привлекла внимание стоящих неподалеку. Из них к нам подошел только Эрк, улыбнулся – ну вот только он умеет так улыбаться, что сразу начинаешь мечтать о невозможном. Выслушал мою тираду до конца и хлопнул по плечу в качестве поддержки.

– И как таких неподготовленных девиц в курсанты принимают? Ладно, ладно, не злись. Сегодня можешь перекантоваться у меня, завтра с утра слетаешь в полицейский квадрат и напишешь заявление. Если повезет, то уже завтра или послезавтра снова станешь легальным человеком. А перевертышу кости ты бы не переломала – у него их фактически и нет. Так что считайте, что легко отделались. Он вас обеих мог там же придушить без труда. Ты карты-то заблокировала?

Я проигнорировала круглые глаза и многозначительные взгляды Триш. К счастью, видеослайдер был пристегнут к поясу с другой стороны – его перевертыш не прихватил. Сразу вошла в базу личного финансового управления и остановила действие обеих карт. Кто вообще в наше время ворует деньги? Да он пока мою карту взламывать будет, я пять новых успею выписать. Делала каждый клик медленно, вдумчиво, лишь бы на Триш не смотреть и не покраснеть от мысли, что сегодня – каким-то фантастическим образом и пери-

петиями судьбы – окажусь в квадрате самого Эрка, самого впечатляющего курсанта академии, которого так долго всеми силами ненавидела.

Глава 3

В платном перевозчике мы оба молчали. Мне было не по себе – вроде бы стоило поблагодарить Эрка за помощь, хоть он и сам предложил. Решила делать вид, что согласилась просто из безвыходности положения. И была даже благодарна, что больше не подшучивает над моим серьезным промахом и ни о чем не спрашивает.

Поездка заняла целых двадцать минут. На бесплатном перевозчике вышло бы раз в пять дольше, но бесплатные в такое время уже и не ходят. Это значит, что квадрат Эрка на самой окраине. Я молчала и когда мы поднимались на скоростном эскалаторе до двести двенадцатого этажа, и когда он, приложив удостоверение, открывал замок. Но не выдержала, войдя в светлое, огромное помещение. Такое, даже в многоквартирке на окраине, стоило немислимых денег.

Я присвистнула:

– Ого, Эрк! Мне стало любопытно, кто твои родители? Или ты получаешь такой доход от подработки в полиции?

Эрк скинул ботинки, направился в гостиную невероятных размеров и ответил, не оборачиваясь:

– Давай без этого, а? Вот там комната свободная – можешь занимать ее, пока не восстановишь удостоверение личности. Можешь не рассыпаться в благодарностях, но и нервы себе трепать я тебе не позволю.

– Без чего? О чем ты?

Я действительно не понимала. Эрк повернулся, заправив руки в карманы, и посмотрел на меня с раздражением. Нет, я может, и не рассчитывала на прилив романтики или неловких касаний вот так сразу, но никак не могла сообразить, почему такой вежливый и приятный парень вдруг разозлился. Он как будто понял мое недоумение и вдруг сказал:

– Эрк Кири.

Шагнула к нему и снова замерла, так и не понимая:

– Я знаю, как тебя зовут.

И он повторил с паузами, как будто говорил с умственно-отсталой:

– Эрк. Кири. До сих пор будешь делать вид, что не можешь сопоставить?

Меня долбануло осознанием. В самом деле, только сейчас долбануло! Кири – довольно распространенная фамилия, в прошлом было не меньше трех знаменитых писателей, и дипломатов, и даже один президент. Лет семьсот назад – я не слишком хорошо помнила историю, чтобы сказать точнее. Но... сейчас в мыслях обозначился другой однофамилец, который раньше не приходил в голову:

– Командор Кири... твой родственник?

– Отец. А то ты не знала.

У меня отвисла челюсть. Один из главнейших людей в правительстве, командор Четвертого Сектора Освоенной Территории, а его сын – вот так запросто ходит по земле и

учится в той же академии, что и я? Мне почему-то представлялось, что настолько высокопоставленные персоны обучают своих чад не там, где они могли бы получить травмы и вынуждены были общаться с простыми смертными. Да на любом задании в полиции Эрк мог нарваться на оборотней и погибнуть! И никаких других детей элиты я в академии не встречала, так почему мне эта неочевидная мысль должна была прийти в голову? Я рассматривала его теперь пристальнее, пытаюсь вспомнить из учебников изображение отца и уловить внешнее сходство.

– Не знала? Да и все равно. Иди спать. Я с ног валюсь.

– Подожди! – я даже руку вскинула, как будто собиралась его жестом остановить. – Эрк... а может быть такое, что ты отказываешь... ну, девушкам отказываешь по этой причине?

Он улыбнулся:

– Я не отказываю девушкам. Я отказываю только тем, кто перед признанием в чувствах сначала навел обо мне все справки, а уж потом подкатил. Предпочитаю дам, которые никакого отношения к академии не имеют.

Мне нечего было возразить – лишь руками развести могла. Да, мы с Триш расспрашивали кое-кого об Эрке, но никого из ближайших друзей. И узнавали вовсе не о родословной, может, только потому нам никто об этом и не сказал. Или думали, что и без того известно, или просто отвечали на прямо поставленный вопрос – есть у Эрка пассия и нет. Но сейчас любые объяснения прозвучали бы пустым оправ-

данием. Он ведь тогда мне даже не нагрубил – просто отшил. А девушек себе ищет подальше от знающих. Чтобы не путалось честное с меркантильным? Но Эрк сам по себе впечатляющий – да ни одна девушка не станет рассматривать за его внешностью и характером каких-то дополнительных бонусов! Но и это звучало всего лишь оправданием. Потому я не стала спорить и доказывать свою невиновность – да и слишком много времени прошло, пора уже и забыть. А теперь и простить, раз так.

Даже комната была огромной – я таких пространств в жилых помещениях и не припомню. Усталость была жуткой, ноги гудели, а после того, как скинула туфли, принялись гудеть с угрожающим звуком, но мне так хотелось осмотреться, почувствовать себя хотя бы ненадолго богатенькой девочкой, которая ни в чем себе не отказывает. Вид на город с такой высоты был лучше любой картины, серые стены, которые на ощупь оказались шероховатыми, привлекали к себе не только взгляд, но и вызывали желание непременно погладить. Разделась и проникла в прилегающую ванную – и там сошла с ума окончательно. Я никогда не была завистливой, вообще не понимаю, что на меня нашло, но отчего-то хотелось визжать. И душевая кабина, и ванная – все отдельно. Все блестит, переливается, а стены обиты темно-коричневым синтетическим мрамором. Возможно, что у Эрка и не паранойя... я это поняла только после того, как увидела ванную комнату. Кто знает, на что готовы пойти женщины,

чтобы оказаться здесь и лучше на всю жизнь задержаться? А в доме самого командора, наверное, еще круче? Хотя вряд ли может быть намного круче – это уже даже представить невозможно.

Кири... Сын самого командора Кири...

Я слишком хотела узнать его имя, а в голове крутилось только «Кири» – как отголосок какого-то ненужного воспоминания. Человек, стоящий за моей спиной – я чувствовала его дыхание и ту знакомую силу, которую ощущала всякий раз, едва ему стоило оказаться рядом – носил другое имя. Его я не знала. Я его никогда не слышала.

– Вспоминай, Дая, – улыбка в голосе.

И больше ничего не надо. Только ответить его же именем – и точно тем же тоном. Если от моего голоса он получает то же удовольствие, которое я от его, то его тоже проберет до самых костей. Только для одного этого надо знать. Я развернулась резко. Точно, он улыбался. Безупречный.

Я положила ладонь ему на грудь, с вяжущим удовольствием провела пальцами по гладкой коже, обвела сосок, спустилась на живот. Вертикальные зрачки сузились и превратились в тонкие полоски. Ему нравится. Ему нравится все, что я делаю, как мне нравится все, что делает он. Уверенно скользнула рукой еще ниже, коснулась члена – возбужденного, каменного. Без стыда начала поглаживать – без страстного напора, но я хотела сделать хоть что-нибудь. Сон – не место для неловкостей. А крокодилы глаза бывают только в

сновидениях.

– Любимая, – он положил руки на мои голые плечи, повел вниз – я готова была взвыть даже от такой ласки. – Ты самая красивая, я это всегда знал. Но приятно узнать, что ты сегодня сама сделала шаг ко мне.

Он явно говорил не о моих нежных заигрываниях с его членом. Но и остановиться не могла, обхватила пальцами, усиливая нажим. Он выдал короткий стон.

– Какой шаг, любимый?

– Не так быстро, Дая. Я хочу оставить самое приятное до реальной встречи.

– Ты поэтому никогда меня не целуешь?

Он положил ладонь мне на щеку, наклонился, но прижался лбом к моему.

– Поцелуй – это, возможно, самое важное, что случается у влюбленных. Я готов ждать хоть вечность.

– Чего ждать?

– Но я очень тебя хочу.

И его руки притянули к себе тесно, до стоны. Заставили изогнуться и ощутить каждой клеткой тела наше обоюдное желание не останавливаться, слиться окончательно. Поцелуй в шею – не мягкое касание, а почти жадный укус. Он тоже едва держится. А зачем мы держимся?

Я проснулась и сразу села, прижала руку к груди, потому что в ушах застучало в ритме сердца. Кажется, не кричала. Едва отдышалась, посмотрела в сторону. Вдрогнула и спро-

сила:

– Эрк?

Он сказал вверх:

– Светлее на двадцать.

Освещение тут же немного повысилось. Эрк подошел, вглядываясь в мое лицо пристально, потом сел на край постели.

– Я... я просто мимо комнаты проходил. И услышал звуки – как будто тебе плохо.

О, мне было хорошо. Если бы я сама принимала решения, да еще и во сне, то вообще бы никогда не просыпалась. Сейчас же натянула покрывало до подбородка и заставила себя улыбнуться:

– Да нет, ничего такого!

Глаза у Эрка очень красивые – зеленые, умные, внимательные.

– Дая, кошмары – это не стыдно. Но надо обратиться к штатному психологу. Кошмары свидетельствуют о глубоком, затянувшемся стрессе, и до этого лучше докопаться до того, как ты испытываешь новое потрясение. Солдаты не имеют права на уязвимую психику.

– Да я не...

– У меня самого были кошмары. И теперь их нет. Любая проблема решается, если ее решать.

Возбуждение еще не отступило. Надо выпить воды, потом немного отдохнуть, но сейчас уже блондин из сна не казался

идеальным. Вот же он, идеал, сидит прямо на моей постели. Руку протяни и коснешься. Интересно, как Эрк отреагирует на мое прикосновение? И ведь не объяснишь, что кровь закипела совсем не из-за него, но зато из-за него продолжает кипеть. Я не рискнула проверить.

– Дая, почему ты так смотришь?

Я кое-как собралась и заставила себя мыслить:

– А почему тебе снились кошмары, Эрк?

– Долго рассказывать. Потом как-нибудь, если мы станем друзьями, – он улыбнулся, встал и отправился на выход. – Темнее на двадцать.

Свет снова приглушился, а я откинулась на подушку. Сам Эрк сказал, что есть возможность нам стать друзьями! Я об этом раньше и не задумывалась, но теперь невольно обрадовалась, представляя, как мы вместе выбираемся в клуб или на прогулку, как привыкают к моему присутствию шестикурсники, как все постепенно открываются и начинают рассказывать о себе. И Эрк рассказывает... А потом понимает, что я и есть та самая... Да что со мной? Из одного болота вынырнула и сразу нырнула в другое. Триш права, у меня уже гормональный сбой.

Весь следующий день я носилась с восстановлением документов: сдала кровь, отпечатки пальцев, прошла полное сканирование организма, чтобы заново идентифицировать личность, написала заявление в полицейском квадрате о кра-

же и блокировке старого удостоверения. С последним проблем тоже не возникло, но капитан прямо сказал, что поймать конкретного перевертыша в таком густонаселенном городе немного сложнее, чем найти нужную пылинку во всей Освоенной Территории. Пылинка хотя бы вид свой не может изменить. Да я и не рассчитывала, но впервые воочию наблюдала полное бессилие представителей власти – против оборотней они были слепыми котятками. Хорошо, что хоть этот всего лишь поясную сумочку стащил, а убил бы или искалечил – все равно ничего нельзя было бы поделаться.

Деньги на медицинские процедуры заняла у Триш – благо вышла незначительная сумма. Потом связалась по видеослайдеру с мамой и попросила перекинуть еще средств. Соврала, что необходима новая тренировочная форма. Она и так была очень недовольна, что мы с Триш переехали в Неополис, каждый день до нашего отъезда повторяла, насколько здесь опасно. Надо ли подпитывать ее страхи доказательствами? Вон даже конкретное преступление, а полиция бессильна и только радуется, что можно поставить галочку «дело закрыто», выписав мне новые документы и еще отчитав, что в таком позорном случае курсант военно-полицейской академии замешан быть не может. Если бы можно было обойтись без нового удостоверения, то я вообще предпочла бы промолчать о краже.

Мама вздохнула и пообещала что-нибудь придумать. С деньгами у нее было напряженно, много не отправит, сти-

пендия тоже невелика, так что проблема с нехваткой денег всегда будет висеть над моей головой. Моя семья никогда не голодала, мама работала воспитателем в дообразовательном детском учреждении, но и роскоши мы никогда даже издали не видели. Кстати говоря, это и была основная причина моего выбора профессии – только в силовых структурах зарплата была сравнима с частным сектором. А в частном секторе надо или обладать чрезвычайной предпринимательской жилкой, или сотрудничать с нелегалами. Я была воспитана так, что даже мысли о подобном не допускала: не по мне торговля психотропами, нелегальный рынок секс-услуг, или, тем более, грабежи. Лучше уж жить, как мама, – в небольшом, но честно заработанном квадрате, есть честно заработанную еду, чем перед сном думать, сколько людей пострадало, чтобы у тебя появился новый видеофон или кусок натуральной курицы на столе.

Богатство же семьи Кири воспринималось принципиально иначе – командор жизнью своей рисковал неоднократно, отразил целый ряд нападений на отдаленные планеты, организовал эффективную оборону во всем Четвертом Секторе и был прекрасным стратегом. Его биографию и решения уже включили в курс новейшей истории, чтобы современники постигали мудрость лучших и пытались хотя бы приблизиться к идеалу. Такое благосостояние ни в ком не вызывало осуждения, и даже зависть неуместна: ты сначала на одном крейсере встреться с армадой сару, выживи сам и спаси

команду, умудрись вывернуться и заземлиться на планете, организуй местное ополчение из людей, которые в жизни не держали в руках бластера, удержи целую планету с миллионами мирных жителей до прихода подкрепления – и потом с почестями получай огромные квадраты с серыми шершавыми стенами и синтетическим мрамором. В нашем обществе не было принято обсуждать доходы силовиков в негативном свете – каждый разумный человек знал, чего на практике стоят эти доходы.

В воскресенье я получила новенькое удостоверение и кредитки, то есть большая часть вопросов улажена. И пора было поблагодарить Эрка за гостеприимство и уходить. А так не хотелось! Когда еще удастся настолько близко к нему оказаться? Я уже успела пережить к нему пламенную влюбленность, потом затаенную ненависть, теперь пришла в понимающее равнодушие... а уходить все равно не хотелось.

А в субботний ужин вышла очередная неприятность. Эрк не готовил сам – заказал доставку из крупного ресторанного квадрата. И я, попробовав салями, сначала сморщилась от непривычного вкуса, а лишь затем распробовала. Неужели из настоящего мяса? Какой вяжущий, пряный и тающий вкус. И, конечно, после второго кусочка я отвесила честный комплимент этому блюду:

– Дерьяк меня дери! Эрк, и сколько же стоит такое удовольствие?!

Глянула на него и сразу поняла, что прокололась. Он на-

тянуто улыбнулся, ничего не ответил, а я запоздало поняла – ведь он открыто говорил, что ему не хочется подчеркнутого внимания именно к его положению! Признался, можно сказать, в самом сокровенном. И салями заказал совсем не затем, чтобы впечатление на меня произвести – просто не подумал, не учел... А я вот так, ему прямо под нос свое изумление. И извиняться не за что, и разговор дальше уже не клеился. У Эрка Кири фобия! Что его будут принимать за Эрка Кири. Смешно, но кто я такая, чтобы осуждать? Ведь он общается со многими – они нашли к нему подход или научились не выкатывать глаза из орбит, когда видят продукты из натурального мяса?

В общем, дружба наша пока не стала слишком тесной. Я искренне поблагодарила его за уют и гостеприимство, на всякий случай извинилась, если что-то не так, но он почему-то отправился со мной. Молча. Молча же усадил в платный перевозчик и оплатил проезд – как будто понял, что у меня большая напряженка с деньгами. А мне показалось, что этим самым он окончательно перечеркнул возможность нашего сближения в дальнейшем. На прощание натянуто улыбнулся:

– Встретимся в академии.

Триш уже названивала каждые пятнадцать минут – когда я наконец-то явлюсь в общежитие и все-все-все ей расскажу, с каждой мельчайшей эротической подробностью. Я даже и не знала, чем порадовать подругу. Разве что тем, что Эрк в

домашней футболке выглядит еще более привлекательным, чем в форме курсанта с нашивкой на рукаве...

На КПП никого не было. Столпотворение здесь только по утрам, когда все, кто не живет на территории, являются на занятия. Приложила новенькое удостоверение к считывающему устройству и озадачилась, услышав непривычный звук, а потом ответ робота:

– Курсант Дая Джисс уже находится на территории. С уважением, техническая база Академии военно-полицейских сил номер один Системы Освоенных Территорий. Учим во имя порядка!

– Чего? – тупо переспросила я у бездушного устройства. Оно, конечно, не ответило, потому я, уже задрожавшими руками, снова приложила удостоверение.

– Курсант Дая Джисс уже находится на территории. С уважением, техническая база Академии военно-полицейских сил номер один Системы Освоенных Территорий. Учим во имя порядка!

Я отшатнулась – откатилась от табло на несколько шагов, начиная паниковать. Конечно, в голову сразу пришла нелепая мысль – мое старое удостоверение не заблокировано! Потому вытащила видеослайдер и набрала номер управления полицейского квадрата. Там тоже отвечал робот – он называл по порядку номера, которые я должна была набирать, чтобы решить именно свой вопрос. И в итоге получила ответ:

– Дая Джисс, человек, 20 лет. Дело о краже закрыто за неимением улик для дальнейшего расследования. Удостоверение под номером 239451455 заблокировано. Выдано удостоверение под номером 239458452. Срок действия не ограничен. Служим во имя порядка!

То есть никакой ошибки. Но ошибка все же была, я никак не могла понять, где именно! Я немного прогулялась, чтобы прикинуть варианты, но минут через пятнадцать вернулась. Снова подошла к табло КПП, осторожно и, стараясь держать очень ровно, приложила удостоверение, и еще до того, как оно коснулось считывающего устройства, электронный голос оповестил:

– Курсант Дая Джисс, рады приветствовать вас в Академии военно-полицейских сил номер один Системы Освоенных Территорий. Учим во имя порядка!

– Во имя порядка, – с облегченным выдохом ответила я.

Конечно, рассказ Триш о своих эротических приключениях я именно с этого и начала. Но даже коллективным разумом мы пришли только к тому, что произошел какой-то сбой. Почему видеослайдер изредка может зависнуть, компьютерная портативная система может поймать вирус, а пункт КПП от всех этих напастей застрахован?

Теперь встретившись в коридоре с Эрком, я здоровалась. И все равно быстро прошмыгивала мимо, чтобы не заметил моих розовеющих щек. Пусть все идет каким-нибудь есте-

ственным путем, я сама больше не желаю оказаться в уже пережитой ситуации – если поймет, что я по-прежнему испытываю к нему симпатию, и снова отвергнет, то я не выдержу. А поводов для непринужденного общения тоже не находилось.

В обеденный перерыв мы уселись за стол к Одигу Вейру. На нас косились все присутствующие, но сильнее прочих удивлялся сам Оди:

– Заблудились?

– Нет, – ответила ему дипломатичная Триш. – Просто здесь удобнее. Тише.

– Ну да, – не поверил он.

Но и выгонять нас не стал. Да и как бы ему это удалось? Вот так, в напряженном и молчаливом согласии мы теперь и обедали.

Странности начались уже в конце недели, когда ко мне в коридоре поднырнул курсант из старших и тихо спросил:

– Еще есть? Возьму, если по той же цене.

– Что возьмешь?

– Не делай вид, что не понимаешь, – он озирался по сторонам. – У меня перенапряжение, Дая. Только ты и смогла помочь, я давно уже так спокойно не спал.

И я поняла – как если бы мне прямым текстом сказали обо всем, что произошло. Многие курсанты борются со стрессами психотропами, но легальные психотропы вряд ли способны вызвать такой блеск в глазах. И я... находившаяся на тер-

ритории академии, когда там не находилась, потому табло КПП меня и не пропускало. И он, сейчас с таким отчаяньем ждущий ответа.

Отрицательно покачала головой и зашагала по коридору. Запрещенными психотропами чаще всего торгуют перевертыши. Перевертыш украл мое удостоверение и теперь спокойно проникает на территорию управления, принимая мой облик. В полицейском квадрате на сто процентов уверены, что старое удостоверение заблокировано, и нет никакого способа доказать обратное. Это значит, что перевертыш либо изготовил новое, действующее, удостоверение с помощью старого чипа, или взломал полицейскую базу. И то, и другое говорило только об одном: речь идет не о каком-то одиночке, приторговывающим в подворотнях. В деле очень влиятельная преступная сеть – только она способна действовать с таким размахом. Она может меня подставить так, что в жизни не отмоюсь.

Может, стоит бежать в полицейский квадрат и все честно рассказать? А если доказательств так и не найдут? Ведь я совсем недавно была свидетелем, с какой легкостью закрываются дела, если расследовать нечего. А тут как раз и нечего – кто-то с моим лицом и моим удостоверением продает запрещенные препараты, да еще в таком месте, где подобного никогда не было. Если меня заключить в тюремном квадрате, то преступление прекратится само собой. И даже неважно, кто на самом деле этим занимался – я или перевертыш. Он

уже не сможет использовать мое лицо и имя. И дело будет улажено.

Дерьяковы перевертыши! Дерьяковы оборотни, чтобы им всем сдохнуть! Дерьякова полиция, которая ради порядка готова пойти на любую несправедливость! После окончания буду просить распределения в защитные организации. Там хоть ясно, кто враг – видишь оборотня, стреляешь в оборотня. А во внутренних органах превыше всего создание видимости, что все вопросы решаются. Порядок, дерьяк его дери, лишь бы был порядок.

Я испугалась так сильно, что даже с Триш не смогла поделиться.

Глава 4

Вечером в пятницу Триш так и не удалось меня вытащить на прогулку. Я сослалась на усталость и настояла, чтобы она пошла в клуб с одноклассниками. Подруга придумала себе, что у меня обострилась экономия денег и настаивала, что пока вполне может и делиться своими. Я повторила про усталость и изобразила плохое самочувствие – лишь бы она уже ушла. На самом деле причина была в растущей паранойе: мне казалось, что едва я только покину территорию академии, как перевертыш сразу здесь объявится. У них точно были какие-то способы слежения за моими перемещениями! Ведь если кто-нибудь застанет нас обоих, то даже полиция вынуждена будет признать факт моей невиновности. Свидетельские показания просто так в стол не уберешь.

А еще у меня были планы. Как только подруга, как и большая часть курсантов, оставили территорию, намереваясь вернуться только за полночь или к утру, я вышла из своего корпуса и направилась к мужскому общежитию. Пора было признать, что мне требуется помощь. Хотя бы дельный совет. И, перебрав все кандидатуры, я остановилась на одной – если он не сможет помочь, то остальные вообще вряд ли.

Просмотрела в холле на первом этаже списки. Одир Вейр жил в комнате один – неудивительно. Коменданты наверняка тем самым предотвратили множество возможных конфлик-

тов. Седьмой этаж. Оборотень явно не из тех, кто склонен тусить с остальными, потому я надеялась его застать. И, конечно, по всем законам подлости, на лестнице столкнулась с большой компанией, где были парни и девчонки. Явно собирались в одном месте, чтобы куда-нибудь отправиться. На меня не обратили внимания – в академии нет запрета заходить в другие корпуса, но один остановился. Я тяжело вздохнула и, не поднимая взгляда, поздоровалась:

– Добрый вечер, Эрк. В клуб собираетесь?

– Собираемся. Не хочешь составить компанию?

Сердце бешено заколотилось – это ведь почти приглашение на свидание! Пусть мы и будем в компании, но это приглашение! И я бы обязательно согласилась, если бы не парной.

– Не сегодня, Эрк. Может быть, на следующей неделе?

– Может быть, – он все никак не уходил. – Дая, у тебя есть парень?

Вопрос-катастрофа. И притом очень логичный, приходивший первым на ум. А что еще мне делать в мужском общении в пятничный вечер? Да еще и одной, пробивающейся к кому-то. Возразить – и тогда надо хотя бы что-то объяснить. Согласиться – и на следующей неделе Эрк меня уже не позовет. Потому вместо ответа я просто широко улыбнулась и неопределенно повела плечами. А потом рванула дальше по лестнице. Сначала все равно придется уладить свои проблемы, а уж потом разгрести романтические переживания.

Тихо постучала. Одир открыл и удивленно уставился на меня. Отступил на шаг, пропуская.

– Так и знал, что вы ко мне неспроста прицепились! Ну, что вам обоим нужно?

Я махнула рукой назад, показывая, что Триш со мной нет, так что если нам обоим что-то и нужно, то обойдемся без множественного числа. Одир закрыл дверь.

Обстановка меня не интересовала. Я решительно направилась к одной из двух кроватей и села. Оборотень помедлил, потом сел напротив, ожидая, когда я уже созрею до объяснений. Я, не отрывая взгляда от собственных пальцев, выдала все, что произошло – от воровства удостоверения до торговли психотропами в самой академии. В конце разволновалась так сильно, что встала и зашагала по комнате туда и обратно.

Одир тоже поднялся, перехватил меня за плечи и заставил остановиться. Руки у него очень сильные – еще чуть-чуть и кости захрустят. Оборотень, что с него взять. Наклонился, вынуждая посмотреть в его глаза. И тогда я отчаянно выдала:

– Понятия не имею, что делать! Хотя бы расскажи, что сам об этом думаешь, может, это как-то поможет и мне.

– Во-первых, успокойся, – он говорил тихо, медленно. – Они не будут подставлять тебя. И сами вряд ли попадутся. Если уж они с таким трудом и впервые проникли сюда, то сделают все возможное, чтобы здесь задержаться. И, судя по всему, они знают расположение всех камер и о тво-

ем присутствии на территории, потому и не попались до сих пор.

– Я это понимаю! Но и понимаю, что любой из их покупателей может проговориться! На меня показать!

– Зависимые от психотропов не бегают с признаниями, – попытался успокоить он снова.

– Сами не бегают. Но после первого же медицинского осмотра кураторы могут заподозрить и допросить. И расколоть, конечно!

Одир отпустил меня и уставился на окно, признал после раздумий:

– Да, если перевертыши где-то проколятся, то попадешь ты. Если сама признаешься, то попадешь ты.

– А я о чем говорю!

Я уже едва не плакала, хотя слезливость вообще не была в моем духе. Просто дошла до точки на краю нервного срыва. Мне бессонницы, связанной со сновидениями, хватало, чтобы быть в постоянном напряжении, а тут еще и это.

– Почему ты пришла ко мне, Дая? – задумчиво спросил Одир. – Решила, что раз мы обедаем за одним столом, то стали друзьями?

– Ты оборотень! – я ответила очевидное. – Если кто и понимает, как вычислить оборотня, то только ты.

– Я ракшас, а за тебя взялись перевертыши.

Я от усталости хотела рухнуть на кровать, но на месте все равно находиться не могла – дергалась от нервов. И потому

снова принялась шагать – к нему, обратно, к нему. Кажется, Одир от моих метаний раздражался, потому что резко развернулся и снова схватил своими клешнями за плечи.

– Ладно. Давай подумаем вместе, только хватит скакать.

Я улыбнулась ему с настоящей благодарностью. Пусть даже не поможет, но одно намерение уже много значит.

– Одир, а есть какие-то признаки, как отличить перевертыша?

– Конечно. Мы же изучали их поведенческие модели. Перевертыш не может воспроизвести мысли человека – спроси у него, о чем он не может знать, и провалится.

– Ну да, – я обреченно вздохнула. – Если я себя же увижу, то мне и спрашивать ни о чем не понадобится! Еще какие-то признаки?

Я не заметила, как его руки медленно переместились ко мне на спину, и мы приблизились друг к другу. Очнулась, только когда рука нежно прошла вниз и снова вверх. И его голос стал мягче, почти убаюкивал:

– Вот тебе признак ракшаса. Если я вижу сексуально привлекательный объект, то невольно испытываю желание. Мне стоит больших трудов сдерживаться во время занятий. И я очень рад, что все держатся подальше. И я очень разозлился, когда вы двое начали меня донимать. Как будто осознанно провоцируете.

Я не отпихнула его, просто подумала над словами. А ведь я еще до академии знала, что ракшасы помешаны на сексе,

но Одира воспринимала иначе. Но это его природа! Он и гладит меня сейчас совсем не потому, что об этом яростно мечтал. Уточнила осторожно:

– Может, мне тогда на другой конец комнаты отойти? Или наоборот, стоять так?

– Да, лучше так, – он наклонился к самому уху. – Не шевелись и не сопротивляйся, тогда я ничего с тобой не сделаю.

– Постараюсь, – у меня даже голос сбился. – Ты только помоги.

– Я думаю.

И притом его рука спустилась еще ниже и почти до боли сжала ягодицу. Теперь я даже дышать не осмеливалась. Убеждала себя, что Одир делает именно так, как ему будет лучше справиться с эмоциями. Конечно, физически он настолько сильнее, что может и изнасиловать, и на куски разорвать. Чтобы потом изнасиловать каждый кусок по отдельности. Но после этого его ждет не академия, а тюремный квадрат. Одир не идиот, он делает то, что должен.

– Дая, это нелегальная организация. Серьезная сеть. Возможно, они случайно получили твое удостоверение. Потому что остальные курсанты обычно вшивают настолько важные документы в одежду – запросто не вытащишь.

– Мне о моей халатности уже раз тридцать сказали. И в личное дело занесли с лишением баллов. Так что переходи к важному.

– Нет-нет, подожди. Я о другом. Предположим, какой-то

перевертыш случайно получил твое удостоверение, и тогда они уже на ходу придумали этот план. Но, насколько мне известно, серьезные сети никогда не работают наобум. У тебя не взяли видеослайдер, не тронули ничего из сумочки Триш. Как будто точно знали, что нужно воровать.

– Хочешь сказать, что именно меня выслеживали?! Заранее?!

– Хочу. Сказать, в смысле. И не кричи, умоляю. Все-таки лучше лечь.

Он схватил меня за талию, без усилия поднял и бросил на кровать.

– Все. Не шевелись. Я ничего тебе не сделаю.

И навис надо мной, начав ритмично покачиваться. Однако меня притом даже не касался. Ракшас типичный, прямо как в учебнике. Если я правильно помню, то в данный момент он пребывает в своем уме и пока не перешел границы. Сжалась, но постаралась вообще не двигаться. Хотя странным образом начинала слабо возбуждаться. Но ведь он и создан для того, чтобы возбуждать. Без единого поцелуя, даже не трогая меня, он просто возбуждал этими плавными движениями и собственной близостью. Медленно выдохнула. Он уловил, как изменилось мое напряжение:

– Вот. Сейчас идеально. Не волнуйся, ты не будешь меня хотеть, когда уйдешь – это временный эффект. Но все же лучше не стони.

Я и не собиралась. Или если только совсем тихонечко,

внутри. А его голос звучал спокойно, рассудительно:

– Итак, давай исходить из того, что выслеживали именно тебя. Вероятность этого больше. Это значит, что незадолго до того какой-то из оборотней должен был быть рядом.

– Берсерк! В клубе до нас с Триш докопался какой-то берсерк!

– Может быть, но вряд ли. Берсерки слишком прямолинейны. Еще варианты есть?

– Понятия не имею, я знакомилась в клубе со многими, но не продолжала общение. А теперь любого подозреваю. Даже на месте Триш может оказаться перевертыш! Если я им нужна для каких-то планов, то легче всего меня контролировать через нее!

– Не исключено, – он чуть наклонился к шее, не прекращая плавных покачиваний, но тоже не коснулся. Потом посмотрел в лицо. – Кстати, да. Триш может быть. Или любой из твоего близкого окружения. Любой одноклассник, человек, с которым общаешься, кто угодно.

– Я... я не могу подозревать всех, Одир. Я с ума сойду!

– Меня можешь не подозревать, например. Тебе достаточно подойти и коснуться меня – и ты почувствуешь то же самое, что чувствуешь сейчас: возбуждение, но не в голове, не связанное с симпатией, чистая физиология. Перевертыш может принять мой облик, но не воспроизведет это чувство.

– Ясно. Но круг подозреваемых снизился не слишком за-

метно.

– Кто к тебе ближе остальных, Дая?

– Только Триш. Ну, быть может, еще Эрк.

– Эрк Кири?

Пришлось нехотя признать:

– Ну... хотя нет, мы точно с ним не постоянно вместе, и о каждом перемещении он знать не может.

– Нет, Эрк Кири исключен. Он шестикурсник, да еще после ряда боевых заданий. Перевертыш к нему и близко бы не подошел. А перевертыш может принять чей-то образ только после прикосновения.

– Почему не подошел бы?

– Так на шестом курсе уже почти у всех есть эта способность – безошибочно отличать оборотня от остальных. А поскольку Эрк Кири лидирует в балльном рейтинге, он точно от программы не отстает. У меня эта способность, естественно, врожденная.

Я старалась абстрагироваться от сбивающего с мысли возбуждения.

– Если так, то почему охрана не вычислила перевертыша?

– Выходит, что наш дружок хорошо знает, кто может его вычислить, и обходит их стороной. А пройти надо очень близко. Если он просто шныряет по коридорам или сидит в аудитории с первым курсом, то в полной безопасности.

– Ладно, допустим. Но ты хотя бы можешь помочь. Если рядом со мной вместо Триш окажется кто-то другой, то толь-

ко ты можешь сыграть роль детектора!

– Могу. По крайней мере теперь буду присматриваться и сообщу, если замечу постороннего.

Вот! Не зря я к нему обратилась!

– Спасибо, – выдохнула благодарно. Однако прозвучало очень похоже на стон. Одир довольно улыбнулся, а потом не стал себя сдерживать и облизнулся. Я снова замерла. Надо лучше контролировать свои реакции! – Одир, а бывают ли такие оборотни, у которых глаза, как у крокодилов?

– Что такое «крокодилов»?

– Неважно, – я сама рассмеялась своим мыслям. Еще сны осталось сюда впутать, чтобы я потом и с армией ракшасов уже не распуталась.

Одир подвел итог:

– Тогда пока больше никаких идей. Теперь внимательно смотреть по сторонам. Я помогу, но при одном условии.

Мне стало понятно, чего конкретно он потребует. Ракшас же! И вот именно в такой позе почему-то была близка к согласию. Но он правильно описал – это желание не было ни причиной, ни следствием симпатии. И потому ответила спешно:

– Нет, спать с тобой я не буду!

– Да я не о том, – он явно удивился. – Мне до дерьняка надоело быть в изоляции, а здесь целая преступная сеть вырисовывается. Что бы ни случилось дальше, я хочу быть в курсе. Это мое условие.

– А, – растерялась я. – Конечно! Мне в любом случае не помешает союзник. Даже если я в итоге окажусь в тюремном квадрате, буду утешаться тем, что на моей стороне хоть кто-то играл.

– Договорились. А теперь уходи.

Он уже через секунду стоял в двух метрах от кровати, позволяя мне подняться самой. Я поправила одежду и пошла к выходу, чувствуя, как волна желания отпускает – быстро и основательно, как будто и не было вовсе. Но остановилась перед ним и, протянув руку, коснулась кончиками пальцев плеча. И мгновенно почувствовала трепет, хоть и слабый, но его ни с чем не перепутаешь. Да, Одира я точно смогу распознать в любом случае.

Выйдя в коридор я с облегчением улыбнулась. Дышать намного легче, когда есть хоть какая-то поддержка. Теперь появилась смелость и Триш обо всем рассказать – конечно, только после того, как Одир подтвердит, что Триш по-прежнему Триш. А страсть, вызванная ракшасом, полностью осталась за закрытой дверью и ничуть не тревожила. Я теперь лучше относилась к оборотню-однорукнику. Ну и пусть немного извращенец – у всех свои недостатки!

Влетела на лестницу и замерла. Опершись плечом на стену и сложив на груди руки, там стоял Эрк. Он совершенно точно караулил меня, отчего дар речи пропал. Но Эрк сам начал отвечать на незадаанные вопросы:

– Да, мне стало интересно. Я все думал, а вдруг твоя симпатия была искренней? Вдруг ты – каким-то невероятным образом – не знала о моем отце? Красивая, самоуверенная девчонка, которая не должна страдать от недостатка внимания, и ей понравился, искренне понравился именно я. Но она бежит к ракшасу в комнату. Только идиот бы не догадался зачем. Так что случилось, Дая? Ты с самого начала не испытывала ко мне симпатии, или за прошедшие месяцы все закончилось?

От произнесенного я окончательно впала в ступор. Эрк почти признался, что я его заинтересовала. Ну, по крайней мере, заинтересовала настолько, чтобы следить – не сплю ли я с кем-нибудь. И ведь логично звучит и выглядит логично. А зачем еще тайком бегать к ракшасу? И выходить от него с довольной улыбкой на лице, с растрепанными волосами, которые служат исчерпывающим доказательством. Как неприятно! Пусть я об Эрке уже давно и не мечтала – старалась не мечтать, но сейчас ощутила себя втопанной в грязь несправедливостью.

Подошла ближе, выдавила:

– Эрк, я должна тебе кое-что рассказать. Это очень серьезно, и ты сразу все поймешь.

– Ну, рассказывай, – он недоверчиво ухмыльнулся.

– Не здесь. Пойдем на улицу, сегодня тепло. Разговор может получиться долгим.

– Пойдем, – он усмехнулся и направился по лестнице

вниз.

– Нет, подожди! – порывисто остановила. Вообще-то, я видела, как Эрк уходил с друзьями, но вернулся – только из-за любопытства к моему поведению. Так вернулся ли? Одир думает, что к Эрку перевертыш бы не подобрался, но он не может быть уверенным на сто процентов. Лучше убедиться: – Эрк, я спрошу тебя кое о чем. Не смейся, просто ответь, а потом я тебе все объясню.

– Так пойдем, на улице и спросишь, – он встал вполоборота.

– Нет, – уверенно повторила я. – Сначала ответь, а потом пойду. Если я закричу здесь, то Одир услышит. Может, спасти и не успеет, но хотя бы будет знать...

Эрк теперь смотрел с нескрываемым удивлением:

– Спасти? От меня? Что происходит?

Я не обращала внимания на его любопытство. Надо спросить о том, чего перевертыш знать не может. Лучше что-то совсем личное, но ведь я и сама о личном Эрка почти ничего не знала. Потому озвучила то, что первым пришло на ум:

– На прошлой неделе я была в твоём квадрате. Какого цвета стены в той комнате, где я ночевала?

Эрк нахмурился:

– Зеленые вроде... Зеленые? Или серые?

Меня его неуверенность испугала. Безусловно, любой человек сможет вспомнить цвет каждого закутка в своём квадрате, но, быть может, не тогда, когда квадрат огромен, а ты

не придаешь значения таким мелочам? И тем не менее спонтанно отступила на шаг назад. И даже голос начал подводить, но я заставляла себя говорить уверенно:

– Эрк... тебе когда-нибудь снились кошмары?

– Да. Я ведь говорил уже. Не думал, что это признание вызовет такой пристальный интерес. Кстати, а ты к психологу заглянула?

С нескрываемым облегчением выдохнула. Это точно Эрк, оборотни вряд ли могли присутствовать при нашем разговоре. Улыбнулась и побежала вниз:

– Идем на улицу!

Эрк, к счастью, не отставал – теперь я видела в нем больше любопытства, чем предыдущего негатива. Значит, я совершенно правильно обескуражила его своими несуразными вопросами. Остановились подальше от корпусов, оккупировали изящную скамейку – здесь нам не должны помешать случайные прохожие. И выдала все честно – второй раз открывать историю намного проще. Эрк задумчиво качал головой, уставившись в землю. Ну, хоть не набрасывался, как ракшас, чтобы лучше соображать! Хотя я бы вовсе не была против, если бы Эрк Кири на меня набросился...

– Так, – он теперь говорил тихо, сухо, но уверенно. – Непривычная мысль, но скажу – оборотню Вейру можно доверять. Его на профпригодность проверяли в десять раз жестче, чем любого человека. Он, конечно, как и все ракшасы, повернут на сексе, но определенно не опасен – не ста-

нет принуждать против воли. И его помощь может оказаться бесценной – он определит перевертыша с большего расстояния, чем я.

Вот и почему я сразу молчала? Так долго сходила с ума, чуть до нервного срыва себя не довела! Два человека теперь в курсе – и легче на душе стало в два раза. Угроза и неопределенность до сих пор висели над моей головой, но с такой поддержкой можно справиться!

– Кстати, – сразу вставила я. – А как ты отличаешь перевертышей? Может, я смогу научиться?

Он так и не смотрел на меня, пребывая в задумчивости. И рассуждал, почти совсем как профессор на занятии:

– Ну, во-первых, если перевертышу пришлось быстро менять облик, то он трансформируется вместе с одеждой. На вид не отличишь, но на ощупь можно понять – выглядит, например, мягкой тканью, а коснешься – обычная кожа.

– А, то есть можно определить по одежде?

– Можно, но надо притронуться. И если перевертыш переделся, то это уже не поможет.

– Ладно. Тогда какие более точные ориентиры?

– Они есть – уже безусловные. Перевертыш, если он только не в настоящем обликии, не воспроизводит физиологию детально, – Эрк повернулся ко мне и неожиданно коснулся пальцем шеи. – Вот тут жилка – она бьется едва заметно. Можешь сама прижать, почувствуешь. Перевертыш не изобразит настолько мелкие реакции организма.

Я опешила:

– Но как это различить на глаз?!

– Очень сложно. Потому этому долго учат, и то не все в итоге умеют. Я могу, но мне все равно надо посмотреть на перевертыша вблизи. Если он просто проشمыгнет мимо, то я не замечу.

Я, без какой-либо тайной подоплеки, взялась за рукав его свитера, потеревила в пальцах, а потом коснулась рукой его шеи – и то не сразу нащупала! Пришлось чуть надавить и сместить. Но как это уловить с расстояния, ума не приложу.

– Получается, что у меня нет шанса, – признала обреченно.

– Да, почти нет. Но зато работает и в обратную сторону – если кто-то заметно потеет, краснеет или пахнет естественными запахами, то будь уверена, что это не перевертыш. Хотя бы так.

– Хотя бы так... – отозвалась я эхом. – Отныне буду общаться только с потными вонючками. Меньше, меньше гигиенических процедур.

Эрк усмехнулся, но с мысли не сбился:

– Итак, я согласен с Вейром по основным выводам. Это преступная сеть, а не одиночка. Они вряд ли хотят тебя подставлять, но могут и попасться случайно. И именно ты их заинтересовала сразу. Как бы глупо ни было, но очень многие носят удостоверения в поясных сумках, а в тот вечер ты не была заметно пьяна. Рядом с выходом было столько

обдолбанных психотропами курсантов, что перевертыш мог собрать пару десятков удостоверений... Но как будто не это было главной целью, а получить именно твое. Возможно, что за тобой наблюдали раньше.

– Одир то же самое сказал! Но даже если и наблюдали, я этого не заметила.

– Никаких странных эпизодов? Что-то до кражи, возможно, за пару-тройку недель.

За две недели до происшествия из странного со мной случались только сны. Я и Одир про них не решилась рассказать, а уж Эрку тем более не смогу. Но задала тот же глупый вопрос:

– Эрк, а бывают оборотни с глазами крокодила?

Он вынул из кармана видеослайдер, набрал в поисковике название древнего животного. Увеличил, присмотрелся. Потом пожал плечами.

– Возможно, немного похожи глаза у сару. Но сару ты и безо всяких глаз ни с кем не перепутаешь – они больше рептилоиды, чем гуманоиды.

Кивнула. Я и сама по картинкам знала, как выглядят сару – безобразные, покрытые толстой кожей серо-зеленого оттенка. И пусть у них тоже две руки и две ноги, но уродцы те еще. Ассоциации с ними даже не возникло, хотя ведь точно – у сару янтарные глаза с вертикальным зрачком. Но все остальное настолько сильно противоречило моему безымянному ночному гостю, что я даже сейчас не смогла провести

достаточно аналогий.

– И сару нет на Земле Первой, – добавила известное.

– Нигде в населенных людьми местах нет. Они настолько сильно выделяются из прочих, что у них сразу не было шансов на адаптацию. Самые хитрые, умные и изворотливые оборотни – как хорошо, что их внешность устрашающая, ни под кого не зашифруются. Единственный вид, с которым даже не пытались договориться. Но они тесно сотрудничают с нелегальными оборотнями: переправляют психотропы перевертышей по всей Освоенной Территории, воруют людей для извращений ракшасов, нанимают берсерков для грабежей. Отец говорит, что если бы мы вычистили этих тварей, то остальные виды постепенно ассимилировались бы.

Я тяжело вздохнула:

– Но за меня взяли именно перевертыши.

– Да. И нам бы не помешала помощь других оборотней. Даже твой Одир – это уже преимущество.

Он сказал «нам» и «твой Одир» – я не стала заикливаться ни на приятном первом, ни на неприятном втором. Эрк тем временем продолжал:

– В полицию идти можно. Но ты права в своих опасениях. Если мы явимся в полицейский квадрат, притаив виновного, то ты окажешься в полной безопасности – не настолько уж наши силовики несправедливы, как ты считаешь. Они поддерживают порядок. Приведи преступника – получишь нашивку на рукав. Не приведешь преступника – и они до-

стигнут порядка любим другим способом.

– То есть ты со мной?

Он снова с улыбкой посмотрел на меня:

– А разве ты не для этого меня посвятила?

Вообще-то, просто хотела оправдаться, но настолько приятный бонус к моим оправданиям не мог не радовать. Два союзника, среди которых лучший в рейтинге шестикурсник, – это уже намного лучше, чем было еще два часа назад. А Эрк продолжил недавно начатую мысль:

– Кого еще можно втянуть? В академии сейчас что-то около сотни оборотней, но среди них есть и перевертыши. Я бы с последними не связывался, но другие могут быть полезны точно так же, как Одир. На первом курсе учится берсерк, если не ошибаюсь. Ты с ним как, общаешься? Ну, раз уж ты такая большая любительница легальных оборотней.

– Берсерк?! – я поморщилась.

– А вот это ты зря. Берсерков много среди выпускников. Они, конечно, ребята агрессивные, но с ними проще всего общаться. Только берсерки из всех оборотней не скрывают настоящих желаний. Бесишь – скажут. Сильно бесишь – в морду дадут. Но без желания затащить тебя в постель и не притворяясь никем другим, кроме машины для убийств. И берсерки совершенно точно почувствуют перевертыша.

Подумала и ответила неуверенно:

– Все же ты ни с кем из них не дружишь близко... Я бы предпочла не втягивать малознакомых.

– Понял. Верно. Попробуем разобраться сами, а уже если не сможем, то подтянем резервные силы.

Глава 5

Конечно, засыпала я с улыбкой на лице. Триш вернулась очень поздно и, похоже, была под сильным хмельком – она даже в ванной громко пела. Утром выпрошу у нее подробности и изображу, как расстроена, что не присоединилась к веселью. С удовольствием снова погрузилась в сон.

– Ты решила всех посвятить в нашу маленькую тайну, любимая?

Его тон сегодня звучал иначе – как будто холоднее. Я обернулась, посмотрела с обожанием на идеальное лицо, шагнула ближе, чтобы сразу обнять и уткнуться носом в его шею.

– О чем ты, любимый?

– Дая, я даже злиться на тебя не могу, – он обнял в ответ, прижал к себе с силой, вынуждая подняться на цыпочки и ощутить прилив привычного желания. – Любимая моя, хорошая. Но ты зря беспокоишься, я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Не понимаю... Ты говоришь о перевертышах?

Хотела заглянуть в его глаза, но неконтролируемо тут же потянулась к губам. Почему он никогда меня не целует, если я уже давно готова на все, не только на это? Но он отстранился немного, улыбнулся ласково:

– Нетерпеливая. Сводишь с ума своим нетерпением.

– А ты терпелив?

Смеется – невероятно красивый, весь, от белоснежных волос до каждого сантиметра кожи, а когда смеется, то я готова в голос рыдать от отчаянья – не хочу расставаться, хочу смотреть на него вечно.

– В последнее время думаю, что у меня самоконтроль древнего камня. Но когда-нибудь меня сорвет – в ответ на твое нетерпение. Кажется, пора прекращать наши свидания.

– Прекращать? – я не могла поверить, что такая гнусность произнесена самым любимым голосом.

– Только на время, любимая. Потерпи еще немного. Поверь, я скучаю по тебе сильнее, чем ты по мне.

И до того, как я успела возразить, проснулась. Вытерла со лба испарину. Триш уже спала на своей кровати. Я перевернулась на спину и долго-долго разглядывала темный потолок. Минут через двадцать успокоилась. Скучаю? Да я вообще по нему не скучаю, если не сплю. Больше не придет? Это что же, я теперь смогу нормально выспаться? Или обещаниям подсознания нельзя верить – мало ли, что там приснится? Точно, он был собирательным образом – глаза, очень похожие на глаза сару, я видела в учебниках, черты лица и фигура – средний вариант из всех видеоактеров, в которых я когда-то была влюблена и грезилась о них еще совсем юной девочкой. А вот белые волосы шли вразрез – я всегда предпочитала брюнетов! Как Эрк... да, Эрк уж точно полностью в моем вкусе. Улыбнулась, вспоминая вечерний разговор. Се-

годня я даже не мучилась привычной долгой бессонницей и почти сразу уснула.

Конечно, утро началось с разговора с Триш. Она, вопреки моим предположениям, проснулась бодрой и сразу звонко защебетала:

– Какой чудесный вечер, правда? Пойдем сегодня снова?

– Снова? – не поняла я. – Ты, подруга, что-то совсем деньги перестала считать.

А она будто не слышала:

– Я такой легкости вообще не помню! Как будто по воздуху летаешь, и в голове – чистое счастье. Даже сейчас эта эйфория не прошла! Словно я на длительный отдых к родителям слетала, и силы теперь другие – как будто все по плечу. Никогда не думала, что эффект может быть таким!

Я осторожно уточнила:

– Триш, ты употребляла запрещенные психотропы?

Она наконец-то посмотрела на меня – уставилась, будто я глупость предположила. Хотелось бы, чтобы так и было...

– А у тебя не так, что ли? Провал в памяти? Никаких психотропов!

Я уж было выдохнула с облегчением, но замерла, услышав продолжение:

– Твои диоды великолепны! Где ты их достала?

– К... какие диоды?

Триш тоже не понимала моей реакции, потому успокоилась и объяснила:

– Ну, ты вчера в клуб приехала. Мы с тобой сначала поругались, что ты одна притащилась, опасно же, но тут ты предложила попробовать диоды – мол, это не психотропы вовсе. К вискам подключаешь – и действие такое, которое ни одним психотропом не достигнешь. Вот я и летала. Да и все, кто решился попробовать, летал. А ты что? Неужели провал? Может, по-разному действует?

Она пальцем ткнула на висок – чуть покрасневшая кожа, как будто легкое раздражение, но не слишком заметное. Покрасневшая кожа – это физиология, передо мной точно не перевертыш. Но оттого совсем не проще. Я спустила ноги с постели, немного наклонилась. Слова шли трудно, они едва выдавливались от ужаса:

– Триш... я не была вчера в клубе.

Она тоже оцепенела. Сказала теперь тише, без звона в голосе:

– Врешь... Не смешно, Дая.

Закрыла глаза на две секунды, взяла себя в руки. Повторила увереннее:

– Я не была вчера в клубе, Триш. Я общалась с Одиром, потом с Эрком.

– С Эрком... – она затряслась. – А ведь мы видели его компанию! И Эрка с ними не было! Вроде бы передумал в последний момент и остался...

– Ну да. Как я и сказала – мы были вместе.

Подруга с ужасом зажала рот ладонями, чтобы не закри-

чать. Меня тоже колотило нервной дрожью. Кажется, ничего страшного не произошло – Триш выглядит здоровой. Что там за диоды она и сама толком объяснить не могла, и ведь согласилась попробовать только потому, что предложила я. Сейчас казалось, что лучше бы ее психотропами накачали – от них отходят, да и многие хотя бы раз пробовали. Зависимость формируется не сразу и нечасто бывает такой, с которой невозможно справиться. А тут какие-то диоды... не таблетки, не порошки, потому и последствия могли быть совсем другими.

Надо бежать в комнату Одира... Или сначала позвонить Эрку? Руки тряслись, а я никак не могла собраться. Но смотрела на Триш – эйфорию с нее как ветром сдуло, теперь она тоже сильно волновалась, но притом не выглядела больной. Если хотели навредить ей, то могли навредить сильнее. Нет, тут другое. Под ударом Триш и именно мои одноклассники оказались не случайно – это какое послание, которое я пока не в силах понять.

Протянула руку к тумбе и взяла свой видеослайдер. Триш проследила за моим движением и вскрикнула. Потом вытаскивала свой:

– Дая! Ты мне вчера... точнее не ты, как сейчас понятно... Слушай! Только что вспомнила – тот перевертыш мне вчера кучу денег передал! Сейчас, подожди... – она кликнула на управление личными финансами и показала мне экран. – Десять тысяч! Сказала, что тебя снова могут обокрасть, потому

пусть лучше у меня лежат. А я была под кайфом! Ты сказала, что это за работу... какую-то... А я под кайфом была, даже уточнять ничего не стала!

Перевод был анонимным, но так всегда происходит, когда переносят деньги с карты на карту касанием, а не через управление личными финансами в видеослайдере. Обычное дело, так друзья одалживают друг другу деньги или мама подкидывает ребенку на карманные расходы перед выходом в гимназию. И, конечно, именно так я и перевела бы деньги Триш – чтобы полежали у нее, раз я хроническая жертва краж.

Вот и послание – еще более отчетливое. Десять тысяч – немыслимая сумма. Деньги, которые Триш принесла бы мне. Плата за какую-то работу... Перевертыши решили мне выдать зарплату? В качестве извинения, или тариф за распространение каких-то там диодов? Показали, что я соучастник преступной сети и тем пригрозили? Но чтобы пригрозить, можно было перекинуть и намного меньше... Да и полиция такие переводы не рассматривает в качестве улики. Я могла получить анонимную плату за что угодно – да хоть за добровольное оказание сексуальных услуг какому-нибудь раکشасу или любую другую подработку. Нет, на угрозу не похоже. Послание расшифровывается пока так: «Ты с нами». И ничего больше.

Голова закружилась.

Глава 6

Мы сидели в комнате Одира, когда туда пришел и Эрк. Ему, похоже, тоже были очень интересны мои проблемы, раз сорвался так сразу и прилетел на территорию академии. Он первым делом и вместо приветствия уставился на Триш. Я прокомментировала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.